Украина и Молдова – кандидаты в какой ЕС?

Евгений Прейгерман

Резюме

Украина и Молдова официально стали кандидатами на вступление в ЕС. До 24 февраля такое стремительное развитие событий сложно было даже вообразить. Комментаторы в основном задаются вопросами о том, как это решение ЕС скажется на реформах в новых странах-кандидатах и их перспективах стать полноправными членами Союза. Не менее важен и другой вопрос: что решение говорит о самом ЕС и его будущем?

Содержание

1 Политика символов и месседжей
2 Инструментализация символов и реалистичность членства
3 Геополитический ЕС?

Опубликовано в «Белорусы и рынок»

Политика символов и месседжей

Согласие всех 27 стран-членов ЕС принять воюющую Украину и прифронтовую Молдову в ряды кандидатов на вступление можно назвать высшим проявлением политики символизма.

ЕС символически заявил солидарность с украинцами и решительность не позволить России установить собственную сферу влияния в Восточной Европе. Аналогичный месседж Брюссель направил молдаванам: мол, мы не только на словах, но и на деле признаем ваше право жить в общем европейском доме, а не на постсоветском пространстве. Правда, ключи от дома пока предлагать не будем, но ведь вы же их и не просите, а говорите, что вам нужны надежда и перспектива.

> Ни к чему не обязывающий по сути статус кандидата (который ЕС может даже отозвать) именно это и дает.

Сложнее получается с символизмом в адрес Грузии. Ее европейскую перспективу ЕС также задекларировал, но, в отличие от Украины и Молдовы, статуса не предоставил. От Тбилиси требуется вначале выполнить ряд условий. И не совсем понятно, как именно этот месседж следует читать грузинам. То ли как прозрачный намек на то, что Южный Кавказ уж совсем далеко от ЕС и поэтому не стоит даже тешить себя иллюзиями. То ли как констатацию, что Грузия заняла неправильную, с точки зрения Брюсселя, позицию по российско-украинской войне и поэтому не может воспользоваться льготой военного времени, которую предоставили Киеву и Кишиневу. Ведь трудно всерьез воспринимать официальный тезис, что Грузия заметно отстала от Молдовы и воюющей Украины в выполнении ассоциативного соглашения и движении к Копенгагенским критериям членства в ЕС.

> В свою очередь, Киев получил еще одно символическое подтверждение легитимности собственных устремлений в сторону ЕС.

В условиях войны это действительно имеет серьезное практическое значение. Статус кандидата на какое-то время, возможно, станет дополнительным мобилизующим фактором для многих украинцев и на передовой, и в тылу. Своего рода флагом, который теперь будет поднят над всей контролируемой Киевом территорией. Полученный статус дает правительству Украины сильный аргумент в общении с обществом: с нами вся Европа, и героизм, жертвы и трудности были и будут не напрасны. Похоже будет звучать аргумент и в Кишиневе: имеющиеся и будущие проблемы, лишения и, не исключено, жертвы необходимо перетерпеть ради все более близкого будущего страны и наших детей в объединенной Европе.

Инструментализация символов и реалистичность членства

При этом популярно мнение, что статус страны-кандидата поможет украинским и молдавским обществам инструментализировать весь этот символизм. Другими словами, что благодаря жестким требованиям, которые необходимо выполнить для вступления в ЕС, элиты в этих государствах не смогут свернуть с пути системных и глубоких реформ во всех сферах государственной жизни.

Такие ожидания опираются на опыт некоторых стран Центральной и Восточной Европы, прошедших в 1990-2000-х годах путь от бывших советских сателлитов к полноправным членам ЕС. Там перспектива присоединения к единой Европе действительно помогала реформаторам преобразовывать свои страны по образу и

подобию рыночных либеральных демократий, несмотря на социальную болезненность реформ. И наоборот: противникам копирования западноевропейских стандартов было сложно удержаться у власти в странах-кандидатах из-за желания большинства граждан «вернуться в семью европейских народов». В качестве яркого примера часто приводится Словакия времен авторитарного премьер-министра Владимира Мечьяра.

> Однако параллели между днем сегодняшним и началом 2000-х годов, когда готовилось расширение ЕС на страны ЦВЕ, мягко говоря, неочевидны.

А точнее – это две совершенно разные исторические эпохи, пусть их и разделяют всего 20 лет. Поэтому то, что работало в прошлую эпоху «конца истории», не обязательно будет работать в условиях начинающегося нового витка истории. Да и Украина с Молдовой – это не Чехия со Словакией. Не в смысле лучше-хуже, а просто это совершенно другие страны, с разной историей, географией и особенностями политической и правовой культур.

> К тому же, не стоит забывать, что речь все же идет о предоставлении статуса кандидата на вступление воюющей стране.

Эмоции и политический символизм этого решения понятны. Но также очевидно, что у любого символизма есть границы, особенно в такой ситуации. Поэтому между кандидатским статусом для Киева и Кишинева и полноценным вступлением в ЕС – непреодолимая в осязаемой перспективе пропасть. И даже если гипотетически представить, что случится чудо и двери объединенной Европы все же откроются для Украины и Молдовы, это будет уже какой-то совершенно другой ЕС.

Геополитический ЕС?

Правда, уже сегодня легко заметить, что ЕС изменяется, притом сильно и неизбежно. Это хорошо показывает сюжет с внезапно появившейся идеей о «геополитическом ЕС».

Еще 2-3 года назад даже просто использовать термин «геополитика» в стенах европейских институтов в Брюсселе считалось признаком дурного тона. На официальном уровне твердо заявлялось: «ЕС не занимается геополитикой», «геополитика – это пережиток прошлых веков». Именно на этом тезисе базировалась и изначальная критика действий России против Грузии и Украины в

2008 и 2014 годах. Но все начало резко меняться в конце 2019 года после прихода нового состава Еврокомиссии, которую ее глава неожиданно назвала «геополитической». После этого все вдруг внутри и вокруг ЕС стало геополитическим: и саммиты, и проблемы, и решения. Вот и президент Молдовы, лоббируя придание ее стране статуса кандидата в члены, подчеркивает, что это «геополитический шанс» для ЕС.

Говоря простым языком, ЕС начал соглашаться с тем, что силовая политика в международных отношениях не является пережитком далекого прошлого, как об этом ранее твердили европейские политики. И «геополитический ЕС» сегодня как бы принимает вызов и берет курс на развитие собственного силового потенциала и милитаризацию. Изменяет самопозиционирование в мире от просто «ценностной и экономической супердержавы» к «добру с кулаками». В это преобразование вписываются и казавшиеся ранее невозможными масштабные поставки вооружения Украине, и предоставление статуса кандидата Киеву и Кишиневу.

Казалось бы, это нормальная реакция живого политического организма на происходящие в мире изменения. Но в случае с ЕС такие резкие преобразования вызывают тревогу (как, впрочем, и многие другие процессы в Европе).

> Прямо на глазах ЕС меняет установки, которые десятилетиями лежали в основе его идентичности и целеполагания. А также позволяли успешно нивелировать многочисленные противоречия между европейскими государствами, приводившие ранее к кровопролитным войнам.

Остановить процесс преобразования объединенной Европы невозможно, как и невозможно остановить время. Поэтому уже в среднесрочной перспективе ЕС будет заметно отличаться от себя образца 2022 года. Однако маловероятно, что его будущие преобразования будут созвучны с ожиданиями Украины, Молдовы и других стран-кандидатов.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»